

Литературоведение

УДК 82.0

ББК 83.00

А 38

Акавов З. Н.

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Дагестанского государственного педагогического университета, e-mail: d21205103dgpu@mail.ru

Новые горизонты изучения литературы (к проблеме истоков евразийского литературоведения)

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается одна из актуальных в современном литературоведении проблем генезиса российской литературы и методология её научного осмысления. Речь идет о таком фундаментальном вопросе, как культурно-историческая обусловленность литературы. Формулируется новый подход, который позволяет учитывать ранее не привлекавшие внимание исследователей культурно-исторические «сюжеты». Делается вывод о евразийской идентичности российского полиэтнического и поликультурного симбиоза.

Ключевые слова:

Методология исследования, типологические связи, идейно-эстетическое единство, евразийская культура, поликультурный симбиоз, этноментальные особенности.

Akavov Z.N.

Doctor of Philology, Professor of Literature Department, Daghestan State Pedagogical University, e-mail: d21205103dgpu@mail.ru

New horizons for the study of literature (on the origin of the Eurasian literary criticism)

Abstract:

The paper discusses one of the most topical problems of today, namely: Russian literature genesis and methodology of its scientific comprehension. We are talking about such fundamental issue as the cultural and historical conditioning of literature. A new approach is formulated which takes into account cultural and historical «stories» that did not attract attention of researchers previously. A conclusion is drawn about the Eurasian identity of the Russian multiethnic and multicultural symbiosis.

Keywords:

Research methodology, typological relationships, ideological and aesthetic unity, the Eurasian culture, multicultural symbiosis, ethno-mental features.

Понятие евразийства давно при- широкоем историографическом экскурсе, обрело право гражданства в российском в подробном объяснении этимологии термина, связываемого в настоящее время с научном и культурном пространстве[1]. мина, геополитикой. Поэтому, очевидно, нет необходимости в

Ставшая доступной в настоящее время научная литература, а также произведения различных жанров мемуаристики конца XIX – начала XX веков, авторами которых были известные ученые академик Г.В. Вернадский, историк и филолог Н.С. Трубецкой, культуролог и литературовед П.Н. Савицкий, религиозный философ Г.В. Флоровский, музыковед П.П. Сувчинский, философ, религиовед Л.П. Карсавин, литературовед Д.П. Святополк-Мирский и др., убеждают в том, что цвет тогдашней науки, оказавшись на чужбине, провел титаническую интеллектуальную работу в поисках ответов на трагические для судеб России вопросы, вставшие перед обществом после революционного переворота. Новое прочтение многочисленных первоисточников – произведений Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, Н.С. Лескова, поэтов и писателей «серебряного века» – также даёт основание по-иному взглянуть на культурно-историческую карту нашей Родины – России-Евразии. Благодаря обретенной (образно говоря, это как бы своеобразная компенсация за распад СССР) возможности осмысления этого огромного информационного материала мы получаем доступ к первооснове художественного мышления наших предков: труды указанных теоретиков классического евразийства позволяют сегодняшним поколениям исследователей вооружиться методом глубинного анализа этноментальных особенностей художественных явлений.

Известный советский критик и литературовед В.В.Кожин в работе «О «евразийской» концепции русского пути» отмечал, что «на пространстве России/Евразии с древних времен жили и европейские (славяне, балты, молдаване), и азиатские (принадлежащие к тюркской, финно-угорской, кавказской, монгольской семьям) народы. Исходным и главным для евразийцев было осознание изначальной самостоятельности и принципиального своеобразия всего бы-

тия евразийского субконтинента. Именно «евразийский» характер был присущ возникшим на территории будущей России «империям» гуннов (IV-V вв. нашей эры), аваров (VI-VII вв.), хазар (VIII-X вв.) и, в особенности, позднейшей Монгольской империи (XIII-XV вв.). Словом, государственное единство евразийского субконтинента имело глубочайшие исторические корни. Последовательное расширение Руси-России уместно толковать поэтому не как волюнтаристскую экспансию, а как исполнение объективной воли самой истории» [2: 195]. В приведенном фрагменте статьи мы особо выделяем сформулированное В.В. Кожинным положение, согласно которому «исходным и главным для евразийцев было осознание изначальной их самостоятельности (курсив В.К. – З.А.), которая проявляется в паритетном и мирном сосуществовании, в многоканальных (брачно-родственных, соседских и т.п.) взаимосвязях.

Несмотря на историческую обоснованность приведенной и разделяемой нами точки зрения, необходимо напомнить и об имеющем место восприятии самого понятия евразийства как явления искусственно созданного. Есть и радикально отрицательное отношение к нему у некоторой части российской интеллигенции, считающей объединение русского населения с другими народами России и формирование на этой основе союза неправомерным. Однако следует учесть, что открытие евразийского феномена принадлежит, как уже отмечено, именно русской патристической интеллигенции. Об этом свидетельствуют слова В. В. Кожина о том, что сама формула Россия-Евразия только и возможна «в магнитном поле русской культуры» [2: 208].

Отмеченный тезис, надо полагать, нуждается в основательном раскрытии. Нам представляется, что наиболее убедительной и исторически верной демонстрацией «магнитного поля русской культуры» является раннесредневековый бессмертный памятник древней евразийской

культуры «Слово о полку Игореве», который знаменателен не только в специальном, научном плане, а, прежде всего, в общем историко-культурном измерении. Подчеркнем особо: анализируемый источник имеет свою непреходящую ценность в отношении предмета изображения и охваченных событий, обращенных именно к географическому пространству Евразии. Поэтому, по мнению ряда ученых, «Слово о полку Игореве» (далее в тексте: «Слово...») является историческим и художественно-литературным памятником народов Древней (Киевской) Руси и Северного Кавказа.

О полиэтническом и поликонфессиональном симбиозе, отраженном в выдающемся раннесредневековом памятнике русской литературы, пишет Андрей Никитин следующее: «Почти два века эти люди жили бок о бок с Древней Русью, иногда – среди русских. Вместе с русскими дружинами они участвовали в княжеских усобицах, ходили в помощь русским князьям на Венгрию, Польшу, Волжскую Булгарию, выдавали за них своих дочерей; вместе с русскими встали против монголов и бежали, разбитые, чтобы снова возникнуть на исторической арене Восточной Европы под именем кипчаков, оказавшись впоследствии одними из предков казанских, астраханских и крымских «татар» (мы добавили бы и кумыков, и балкарцев, и карачаевцев – З.А.,Р.А.). Это – половцы. О них упоминают все учебники русской истории. Их можно встретить на страницах исторических романов и на сцене оперных театров. И всегда оказывается, что половцы – исчадия ада, злейшие враги Руси, коварные и алчные, косоглазые и меднолицые... Так ли это? Не оказались ли мы в плену искусственных концепций, не поняв летописцев или поздних редакторов летописей, смотревших на степных соседей сквозь призму русско-ордынских отношений?» [3].

Представленное А.Никитиным новое, свободное от стереотипов прочтение «Слова о полку Игореве» помогает, таким образом, разобраться в сложном ла-

биринте межэтнических общений раннего средневековья. Показательны в этом случае его же аргументы в пользу конфессиональной принадлежности половцев. Автор отмечает, что за последнее время археологами (Г.А. Федоровым-Давыдовым, С.А.Плетневым, А. О. Добролюбским и другими) проделана огромная работа по изучению исторических захоронений кочевых народов средневековья, которые подтверждают «евразийскую» ментальность содержания «Слова...» и других величайших памятников культуры, таких как «Искандер-наме» Низами, «Витязь в тигровой шкуре» Руставели.

О сближении народов и формировании единой евразийской культуры свидетельствуют также, по мнению А. Никитина, изображения и портреты умерших, различного рода изваяния, «идолы», «болваны», отличающиеся сходными чертами, соотносимыми с этническими признаками. Такие исторические памятники представлены как в мусульманской культуре, так и в наследии русского народного искусства, что вызывает сомнения относительно «языческой» ориентированности половцев. Об этом говорит и ссылка А. Никитина на работы академика В.В. Бартольда, отмечавшего широкое распространение христианства в среде тюркских народов, в том числе и у прямых предков половцев - кимаков. В плане сказанного следует отметить, что авторы, исследующие историю половцев на территории Восточной Европы, по большей части забывают об остальных тюрках, в том числе кимаках, оставшихся после переселения в Азии и «подлежащих изучению» согласно сложившейся традиции востоковедами, а не славистами.

Знаменательны в этом контексте и замечания А.Никитина о других косвенных свидетельствах христианской ориентации половцев, например о русско-половецких браках. Важным здесь является акцентирование внимания на системе матримональных связей древнерусских князей, в кото-

рой русско-половецкие браки занимают видное место. Никто из кочевников, кроме половцев, по словам А.Никитина, не удостоился родства с Рюриковичами – ни печенеги, ни торки, ни берендеи, ни угры, ни мусульманизированные (вожские) болгары. Русские князья обычно брали себе жен или в среде родственников, или из аристократии христианских народов. Такое правило подтверждают и отдельные браки с ясами-аланами, предками современных осетин, которые в то время жили на пространстве от верховьев Дона до Северного Кавказа и были христианами [4].

Важными представляются, на наш взгляд, следующие наблюдения, взятые А. Никитиным из исторического прошлого. На половчанке – дочери Атрака, сестре Кончака и внучке Шарукана - женился в свое время грузинский царь Давид Строитель (Восстановитель), хотя придворная традиция строго регламентировала выбор царицы, который обязывал брать супругу исключительно из круга христианских народов. Известно и то, что для защиты от тюрок-мусульман Давид пригласил, кроме родственников жены, еще 45 тысяч семей половцев, которые в решающих битвах спасли страну от порабощения. Та же закономерность просматривается и в отношениях болгар и половцев. А. Никитин отмечает постоянную поддержку половцами антивизантийского движения на Балканах. Показателен и приводимый исторический факт, когда при поддержке кочевых народов было восстановлена разрушенная держава и создано Второе Болгарское царство, первые цари которого происходили из рода половецкого хана Асена. Заключая свои наблюдения, связанные с конфессиональной принадлежностью половцев, А.Никитин пишет: «Но если после всего сказанного у кого-либо остаются сомнения в христианстве половцев, обитавших в южнорусских степях (Дешт-и-Кыпчак позднейших авторов), их должно окончательно развеять свидетельство такого авторитетного арабского путешественника первой половины

XIV века, как Ибн-Баттута, который в своих записках прямо заявляет, что «кыпчаки – христианской веры» [4].

Как видно, выдвинутый рядом историков лозунг «половецкой опасности», мягко говоря, не соответствует действительности. Половцам не нужны были ни русские, ни византийские города. А.Никитиным в связи с этим отмечается одна примечательная особенность психологии половцев: куда бы они ни шли, где бы ни воевали, они неизменно возвращались в родные степи, когда наступала пора летних кочевок, прерывая даже военные действия. Об этом свидетельствуют и процитированные автором слова известного исследователя истории половцев Д.А. Расовского: «С силами, значительно преобладавшими в численности своих союзников, русских, половцы не раз вступали в Киев, однако они никогда не пытались воспользоваться своим преобладающим положением, чтобы создать здесь свое государство... С Кавказа, из-за Балканских гор, из Киева и из еще более далекого Владимира-Клязьме половцы неизменно возвращались в причерноморские степи, и в этом отношении вошедшие в эпос слова одного из виднейших половецких ханов Атрака о том, что «лучше на своей земле лечь костью, нежели на чужой славным быть», могут служить эпитафией ко всей двухвековой истории половцев...» [5: 14].

Отметим в заключении, что данная статья – одна из первых попыток соотнесения древнейших этнокультурных и этноментальных корней русского искусства и истоков литератур народов России в плане поставленной проблемы. И это важно потому, что, как пишет У. М. Панеш, литературная эпоха XX века пока не выработала «нового, устоявшегося» подхода, «основополагающей концепции» [6: 55]. В поле нашего зрения оказались различные материалы, которые могут пролить какой-то свет на заданную тему, – архивные, этнографические, историографические и другие, в том числе и почерпну-

тые из фольклора. В решении важнейшей задачи определения природы евразийства, формирования его концепции может помочь, как оказалось, новое прочтение знаменитого памятника русской истории «Слова о полку Игореве».

Примечания:

1. Айзатулин Т.А. Евразийская геоподоснова «особенной стати» России. URL: http://www.redov.ru/istorija/teorija_rossii_geopodosnova_i_modelirovanie/p1.php; Алексеев Н.Н. Духовные предпосылки Евразийской культуры // Вестн. Библиотеч. Ассамблеи Евразии. 2006. № 4. С. 3642; Ашкеров А. Глобализация и евразийство: Н.С.Трубецкой // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2008. N 1. С. 42-44; Бердяев Н.А. Евразийцы. URL: <http://www.rulit.net/author/berdyaev-nikolaj-aleksandrovich/evrazijcy.html>; Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии. М., 2000; Кожин В.В. История Руси и русского Слова. URL: http://modernlib.ru/books/kozhinov_vadim_valeryanovich/istoriya_rusi; об этом более подробно см.: З.Н. Акавов, Р.З. Акавов. История кумыкской литературы Нового времени в культурно-историческом освещении: монография. Махачкала: ДГПУ. 2009. 360 с.
2. Кожин В.В. О «евразийской» концепции русского пути // Россия как цивилизация и культура. М., 2012. С. 194-208.
3. Никитин А.Л. Основания русской истории: мифологемы и факты. М.: Аграф, 2001. 768 с.
4. Никитин А. «Лебеди» Великой степи // Наука и религия. 1988. № 9. С. 44-88.
5. Никитин А. «Лебеди» Великой степи. // Наука и религия. 1988. № 10. С. 13-18.
6. Панеш У.М. Об эволюции метода и особенностях реализма XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2010. Вып. 3 (63). С. 54-63.

References:

1. Ayzatulin T.A. Eurasian geounderlying cause of «the special stature» of Russia. URL: http://www.redov.ru/istorija/teorija_rossii_geopodosnova_i_modelirovanie/p1.php; Alekseev N.N. Spiritual preconditions of the Eurasian culture // Bulletin of the Eurasian Library Assembly. 2006. No. 4. P. 3642; Ashkerov A. Globalization and eurasianism: N.S. Trubetsky // Bulletin of the Eurasian Library Assembly. 2008. No. 1. P. 42-44; Berdyayev N.A. The Eurasians. URL: <http://www.rulit.net/author/berdyayev-nikolaj-aleksandrovich/evrazijcy.html>; Bitsilli P.M. Tragedy of the Russian culture. Studies. Articles. Reviews. M., 2000; Kozhinov V.V. History of Russia and of the Russian Word. URL: http://modernlib.ru/books/kozhinov_vadim_valeryanovich/istoriya_rusi; more details in: Z.N. Akavov, R.Z. Akavov. History of the Kumyk literature of Modern times in cultural and historical lighting: a monograph. Makhachkala: DGPU. 2009. 360 pp.
2. Kozhinov V.V. On the «Eurasian» concept of the Russian way // Russia as a civilization and culture. M., 2012. P. 194-208.
3. Nikitin A.L. Foundations of the Russian history: mythologems and facts. M.: Agraf, 2001. 768 pp.
4. Nikitin A. «The swans» of the Great steppe // Science and religion. 1988. No. 9. P. 44-88.
5. Nikitin A. «The swans» of the Great steppe // Science and religion. 1988. No. 10. P. 13-18.
6. Panesh U.M. On the evolution of the method and features of realism of the XX century // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2010. Iss. 3 (63). P. 54-63.